

Данило Игнатьевич и его сын Михайло (2)

Во стольнем во городи во Киеви
У ласкова князя да-й у Владимира
А было у ёво было пированьице,
Пированьице было, да был почесьён пир
А про многих кнезей, да руських бояров,
А про тех хрестьянушок прожитосьних,
А про тех про купьцей-гостей торговыя,
А про тех про богатырей могучие,
А про тех полениць да приудалыя,
А про тех про казаков да с тихогó Дуна
А да про тех про калик да перехожиа.
А все на пиру да напивалисе,
Они все на чесном да наедалисе;
Они все на пиру да пьяны-весёлы.
А Владимир-от по грьдњи да сам похаживат,
А с ножки на ножку да переступыват,
А белыма руками да прирозмахиват,
А злаченыма перснями да принащалкиват;
А сам таки речи да выговариват:
«Ище все на пиру у мя пьяны-весёлы,
Ище все на пиру у мя распотешились —
А един-то сидит да как доброй молодець,
А сидит молодець-от — да он не пьёт, не ест,
А не пьёт-то, не ест, да как он не кушаёт
И белого лебеда не рушает!»
Говорил-то Владимир стольне-киевской,
Говорил-то Владимир таково слово:
«Ище що ты сидишь, удалой доброй молодець,
А сидишь, молодець, да как ты не пьёшь, не ешь?
А на меня ли, на князя, да лихо думаёшь,
На мою кнегину да на Опраксею?..»
Говорил-то-й удалой да доброй молодець:
«Уж ты ой еси, Владимир да стольне-ки[е]вской!
Позволь-ко мне-ка да слово молвити,
Да позволь-ко мне-ка да речь говорити, —

Не рубить бы со плеч как буйной головы,
Не садить во глубоки да темны подгрёба,
Не ссылатъ бы во сылоцьки цюжи дальняя!»
Говорил-то Владимир стольне-киевской:
«Уж ты ой еси-й, удалой да доброй молодець!
Говори, молодець, да що те надобно!» —
«Уж ты, батюшко[а] Владимир да стольне-киевской,
Спусти-тко меня в три келии Богу молитисе,
А во три-де монастыря душу спасать:
У мя много-де было да бито-граблёно,
Ище много занапрасно кровей проливано!»
Говорил-то Владимир таково слово:
«Не спущу я в три кельи молитисе,
А во три монастыря душу спасать:
Да пройде[ё]т же тут славушка великая,
Великая славушка по всей земли —
Да пройдёт нонь славушка ко Шкурлаку!» —
«Уж ты, батюшко Владимир стольне-киевской,
Да позволь-ко ище да слово молвити,
Да ище же мне да речь говорити!
А есь у меня да чадо милоё —
А чадо-то мило, чадо любимое.
От рожденьица зовут его Михайлушком;
От рожденьица Михайлу нонь двенадцать лет.
А владеет Михайло да нонь добрым конём,
А владеёт Михайло да палицей боёвою,
А владеет Михайло да копьём вострым,
А владеёт Михайло он сабелькой вострою
А владеет всема успехами богатырским.
Ище будёт тебе да нонь тут надеюшка,
Ище будёт тебе да неизменушка,
А будёт тебе стена городова!»
Говорил-то Владимир стольне-киевской:
«Поди-тко в три кельи Богу молитисе,
Да во три во монастыря душú спасать!»
Прошла же тут славуш[к]а не малая,
Да не малая славуш[к]а по всей земли —
А прошла-то тут славуш[к]а нонь ко Шкурлаку:
Що не стало во городе богатыря,

А не стало во Киеве могучого,
Да не стало стены городовою.
А садилсэ Шку[r]лак на рыменьчат стул,
Он писал ерлыки да скорописьчаты:
Не пёром он писал да не чернилами,
А распечатывал камку да чистым золотом.
Отдавал он любимому зятилку,
А любимому зятилку ноньче — Конщичку,
Отдавал ище Конщичку-наезничку:
«Поежджай-ко ко князю да ко Владимиру;
Поежджай не путём нонь, не дорожечкой —
Церез те церез стены да городовыя,
Церез башни-наугольники нонь рублёныя!»
Поехал любимой ноньче зятёлко,
Поехал не путём он да не дорожечкой:
А быстрыя реки конь перескакивал,
А дыбучия болотечка перерыскивал.
А заехал как конь в красен Киев-град
Ко тому же ко князю да ко Владимиру.
А не спрашивал у ворот да приворотничков,
Да не спрашивал у дверей да нонь придверьничков.
Пудъехал ко князю да ко красну крыльцю,
А вязал-де коня за золото кольцё,
Сам бежал-де ведь он да на красно крыльчё.
Идёт-де ведь, Богу да он не молицьсе,
А ласкову князю челом не бьёт,
Опраксии-королевисьни головы не гьнёт.
Он мётал-де ёрлык сам на дубовой стол —
Сам пошол-де ведь вон из светлой светлицы.
А скоро Владимир ерлык распечатывал,
Поскоре того ерлык да ведь он прочитывал;
А читал, прочитал — да слезно проплакал же:
«А хто у нас поедёт да во цисто полё?
Ище просит Шкурлак у нас поединьщичка!»
А собирал-то Владимир да нонь почесьён пир
Да про тех про хресьян да нонь прожитосьних,
А про тех про купцей-гостей торговыя,
А про тех про богатырей могучия,
А про тех полениць да при(й)удалыя,

Про тех про казаков да с тихого с Дуна.
Они все на пиру да напивалисе,
Они все на чесном у нас наедалисе,
А все на пиру да пьяны-весёлы.
А иной-от-де хвастат да золотой казной,
А боғатырь-от хвастат да силой сильнею,
А наезничок хвастает добрым конём,
А мудрой-от хвастат да старой матерью,
Неразумной-от хвастат да молодой жоной.
А Владимир-от по грядни да сам похаживат,
А с ножки на ножку да переступыват,
А белыма руками да прирозмахиват,
А злаченыма перснями да принащалкиват,
Сам таки речи да выговариват:
«Ище хто, браццы, поедёт во чисто полё?
А просит Щкурлак у нас поединьщичка,
Ище просит Щкурлак у нас постояльщичка.
А у Щкурлака силушки много-множесьво:
Под правую рукой — да сорок тысицей,
Под левую рукой — да сорок тысицей,
Назади у ёго силочки — да числа-смету нет,
Назади-то как силочки числа-смету нет!»
А тут большой-от хороницьсе за средьнёго,
А средьн-ёт хороницьсе нонь за меньшого,
А от меньшого брата — да нонь ответу нет!
А выставал-то-й удалой да доброй молодець
Из того же из места да боғатырьского,
Богатырьско[го] места да из последняго.
Говорил молодець да таково слово:
«Уж ты батюшко ли Владимир да стольне-киевской!
Ты позволь-ко мне-ка да слово молвити,
Ты позволь мне-ка да речь говорити, —
А не рубить бы со плеч у мя буйной головы,
Не садить во глубоки да темны подгрёба,
Не ссылать бы во сылочки в цюжи в дальния!»
Говорил-то Владимир да таково слово:
«Уж ты ой еси-й, удалой да доброй молодець!
Ище ты, молодець, да нонь молодёшенёк:
А не знаешь поезки боғатырьскою,

А не знаешь ты посвисту лошадиного!»
Говорил-то Владимир да стольне-киевской,
Говорил-то Владимир во второй након:
«Ище хто-то, брацьци, поедёт из вас в чисто полё?»
А большой хороницьсе за средьнёго,
А средней хороницьсе нонь за меньшого,
От меньшого брата — да тут ответу нет!
Выставал-то-й удалой да доброй молодець:
«Уж ты батюшко Владимир да стольне-киевьской!
А спусти-тко меня да во чисто полё!»
Ище спрашивал Владимир да во третей након:
«Ище хто, брацьци, поедите во чисто полё?
Ище просит Щкурлак у нас поединьщичка!»
А большой хороницьсе за средьнёго,
Ище средней хороницьсе нонь за меньшого,
А от меньшого братилка — ответу нет!
Из того же из места да богатырьского,
Богатырьского места да из последьнёго
Выставаает удалой да доброй молодець,
Выставаает молодець да на резвы ноги;
Говорил молодець да таково слово:
«Уж ты батюшко Владимир да стольне-киевьской!
Спусти-тко миня да во чисто полё:
А съезджу-де я да во чисто полё
И всю ету силочку да повырублю,
А конём ету силочку повытопъцю,
Вострой сабелькой силочку повырублю,
А спишу ету силу на востру сабельку!»
Говорыл-то Владимир стольне-киевьской:
«Ище ты же нонь, видно, надеюшка,
Ище ты же ведь нонь неизменушка,
Ище ты, видно, стена да городовая!»
Наливал ему Владимир цару зелена вина,
Да не малу, не велику — да полтора ведра.
Прымаает Михайло да единой рукой,
Выпивает Михайло да к едину духу.
Наливал-де Владимир да во втору цару,
Да не малу, не велику — да полтара ведра.
Прымаает Михайло да единой рукой —

Выпивает Михайло да к едину духу:
А он пьёт-де, сушит да цару досуха.
Наливал ему Владимир да во третью цару,
А не малу, не велику — да полтора ведра.
Прымает Михайло да единой рукой —
Выпивает Михайло к едину духу.
Наливал ему Владимир да ноньче турей рог,
Ище турей-де рог да мёду с патокой.
А пошел молодець да из фатеры вон;
А пошел молодець да как по красну крыльцю —
А ступешек до ступешка да догибаицсэ,
А светлы-ти светлицы пошаталисе.
А не видели молоцьця, как в стремяна ступил —
Только видели молоцьця: в чисто полё поехал.
А поехал молодець да во чисто полё,
А поехал-де он: только курёва стоит,
Курёва-де стоит, да дым столбом валит.
А заехал Михайло во силу во толстешеньку.
А куды едёт Михайло — да тут и улица,
Оворотицьсе Михайло — да переулками.
Ище ездил по силы да трои суточки,
Не пиваючи доброй молодець, не едаючи,
Свету белого мало да он выдаючи.
А спроговорил коничёк руським языком-ту:
«Выежджай, Михайло, из силы из тол[с]тешенькой,
Выежджай-ко из силы да из тол[с]тешенькой:
Забрызгало кровью горячею у мня глаза,
Есь накопаны перекопы глубокия
А задёрнуты камкой да белохрущатой!»
А тому же Михайлушко не варуёт,
А бьёт-де коня да по крутым ребрам:
«Уж ты ой еси, коничок, травяной мешок!» —
Да поехал Михайлушко по силочки.
А первой перекоп коничок перескочил,
А во втором перекопи конь пробрюшилса.
Наскакивали пановья-улановья,
А намётывали арканы да всё шелковыя,
А сдерьгали-то Михайла да со добра коня —
Отбивали у Михайла да коничка доброго,

Отбивали у Михайла да паличу буёвую,
Отбивали у Михайла да копьё востроё,
Отбивали у Михайла да сабельку вострую.
А да сковали у Михайла да руки белыя,
Да сковали у Михайла да ноги резвыя,
Повезли-то Михайла да нонь ко Щкурлаку.
А змолилса Михайло Спасу Пречистому,
А змолилсэ Присвятой он да Богородици:
«Уж ты ой еси, Мати да Божья Богородиця!
Я стою-де за веру да за крещоную,
Я стою за церкви за Божиини,
Я стою за три-де монастыря!» —
А спали у Михайла с ног худы железишка,
А спали у Михайла да с рук худы железишка.
Тут хватал Михайлушко Щкурлака за ноги,
Ище начал он Щкурлаком помахивать:
А куды он махнёт — дак тут и улица,
Оворотитьсе Михайлушко — с переулками.
А да добилсэ Михайло до палици буёвое
И выхватил палочку боёвою,
А он начал как палочкой помахивать:
А куды он махнёт — да тут и улица,
Оворотицьсе Михайло — с переулками.
Добилсэ Михайлушко да [до] добра коня,
А выхватил Михайло да нонь добра коня —
Как заскакивал Михайлушко нонь на добра коня;
А начал по силочки он поездживать,
Он начал-де силочку он потаптывать.
Добилсэ он нонь до сабельки вос[т]рое,
А выхватил он да сабельку вос[т]рую,
А начал как сабелькой помахивать.
А добилсэ до копья до бурсоменьского —
Ище начал он силочку помахивать,
Ище начал-де силочку порубливать.
Ище выломил у сабельки тры щорбика:
Ище первой-от щорбицёк — как гром громит,
А второй-от щорбицёк — как змей шипит,
А третей-от щорбицёк — как еретик скрыжёт.
А прошла тут-де вёсточка в три монастыря,

А прошла тут славушка к оццу ево.
А услышал отец да ево батюшко,
Що много было у Щкурлака силы бито —
А пошел-то богатырь с келеи,
А пошел-де он нонь да во чисто полё.
А поехал Михайло да настречу ему.
А идёт-то богатырь, розговариват:
«Уж ты зрастуёшь, поганое нонь Скурлачишко!
А скажи-тко-се ты, да где мой сын убит,
А 'де мой сын-от убит да 'де убит лежит, —
А всю я силочку огнём сожгу,
А огнём-де сожгу да головней спалю!»
Слезывал тут й-удаленькой доброй молодець,
Слезывал молодець да со добра коня;
А падал он ёму во резвы ноги:
«Уж ты ой еси, батюшко родименькой!
Прости-тко меня, да парня глупого,
Прости глупого меня, да неразумного:
А я поехал-де нонь я да во чисто полё —
Ище не взял у батюшка благословленьица!»
Говорил ему Данило да во второй након:
«Уж ты ой еси, удалой да доброй молодец[ь]!
Скажи-тко, где мой да сын убит лежит?»
А падал Михайло да во второй након:
«Уж ты ой еси, батюшко родименькой!
А прости-тко меня, парня глупого:
А поехал-де я во чисто полё —
Ище не взял у батюшка благословлень[и]ця!»
А тут у ёго могучи плеча расходилисе,
А горечая кровь да закипела же,
А очи ясны у его да сомутилисе.
Говорил-де ведь он да таково слово:
«Уж ты ой еси, моё да чадо милоё —
А милоё чадо моё любимое!»
А тут же уни да поздоровались.
А взял он у батюшка благословлень[и]цо
А напредку-де ездить во чисто полё.
А да поехал Михайло ко князю Владимиру.
Приезджает ко князю да ко Владимиру,

Приежджаёт ко князю да ко красну крыльцю —
А вяжот коня доброго за золото кольцо.
А пришол он ко князю да ко Владимиру
А пришол-де ко князю да в светлу светлицю:
«Уж вы здрастуйте, все удалы да добры молоцьци!
Уж ты здрастуй, Владимир стольне-киевской!
«Ище съездил-де я да нонь во чисто полё;
Ище всю я как силочку повырубил,
Ище всю я-де силу конём повытоптал,
А списал ету силу на востру сабельку.
А выломил у сабельки три щорбика:
Первой-от щорбичок — как гром громит,
А второй-от щорбичок — как змей шипит,
А третьей-от щорбичок — как еретик скрежет!»

(Зап. А. Д. Григорьевым 30 июля 1901 г.: д. Азаполё <Погорельской вол.> — от Прокопьева (Прокофьева) Леонтия Кузьмича, 82 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.